

Научная статья
УДК 1(091):141
<https://doi.org/10.24158/fik.2022.2.6>

Содержание понятия «соборность» в социально-философских исканиях Вячеслава Иванова

Владимир Иосифович Потапчук¹, Елена Юрьевна Потапчук²

^{1,2}Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия

¹000644@pnu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1369-9637>

²epotapchuk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3530-279X>

Аннотация. Статья посвящена одному из центральных понятий русской философии – соборности, которое во многом определяло социально-философские идеалы российского общества в XIX – начале XX в. Авторы анализируют, какое содержание получает понятие «соборность» в философских взглядах поэта и теоретика русского символизма Вячеслава Ивановича Иванова, творчество которого оказало значительное влияние на искусство, культуру и идейные искания в России рубежа XIX–XX вв. Многогранная и многосторонняя культурно-художественная деятельность Вяч. Иванова дополняется его способностью переосмысливать и развивать философские идеи, придавая им новое и свежее звучание. Так, и понятие соборности трактуется им не только социально-философски, но и эстетически. Соборность уподобляется Вяч. Ивановым хору, в котором голос каждого певца сохраняет свою индивидуальность и уникальность, однако единое слияние всех голосов рождает новое гармоничное звучание. В публикации, подготовленной в связи с 155-летием со дня рождения Вяч. Иванова, исследователи в контексте его творчества выявляют особенности понимания понятия «соборность» в социально-философских воззрениях мыслителя.

Ключевые слова: русская философия, социальная философия, соборность, Вячеслав Иванович Иванов, «мистический анархизм», «единство во множестве»

Для цитирования: Потапчук В.И., Потапчук Е.Ю. Содержание понятия «соборность» в социально-философских исканиях Вячеслава Иванова // Общество: философия, история, культура. 2022. № 2. С. 44–51. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.2.6>.

Original article

The content of the concept of «sobornost» in the socio-philosophical searches of Vyacheslav Ivanov

Vladimir I. Potapchuk¹, Elena Yu. Potapchuk²

^{1,2}Pacific National University, Khabarovsk, Russia

¹000644@pnu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1369-9637>

²epotapchuk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3530-279X>

Abstract. The article is devoted to one of the central concepts of Russian philosophy – Sobornost, which largely determined the socio-philosophical ideals of Russian society in the 19th–early 20th centuries. The authors analyze the content of the notion of “sobornost” in the philosophical views of the poet and theoretician of Russian Symbolism – Vyacheslav Ivanovich Ivanov, whose works had a significant impact on art, culture and ideological quests in Russia in the late 19th–20th centuries. Ivanov’s multi-faceted cultural and artistic activity is supplemented by his ability to reconsider and develop philosophical ideas, giving them a new and fresh sounding. Thus, he interprets the notion of sobornost not only in socio-philosophical terms, but also in aesthetic terms. Sobornost, in the understanding of Viach. Ivanov, likens synodality to a choir, in which the voice of each singer retains its individuality and uniqueness, however, the unanimous fusion of all voices gives rise to something new – a harmonious sound that exists only at the moment of its coordinated performance. The publication was prepared on the occasion of the 155th anniversary of Vyacheslav Ivanov’s birth. In the context of Ivanov’s work the author reveals the peculiarities of the understanding of “synodality” in the social-philosophical views of the philosopher.

Keywords: Russian philosophy, social philosophy, sobornost, Vyacheslav Ivanov, “mystical anarchism”, “unity in multitude”

For citation: Potapchuk, V.I., Potapchuk, E.Yu. (2022) The content of the concept of «sobornost» in the socio-philosophical searches of Vyacheslav Ivanov. *Society: Philosophy, History, Culture.* (2), 44–51. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.2.6](https://doi.org/10.24158/fik.2022.2.6) (In Russian).

Мировое сообщество, переживающее социально-экономическую трансформацию, вызванную распространением новейших способов коммуникации и взаимодействия (при помощи цифровых технологий, информационных контентов, интернет-пространства и т.д.) и ускоренную разразившейся в 2020 г. пандемией коронавируса, в последнее время все чаще обращает свое внимание на события столетней давности: Первая мировая война, революции 1905 г. и 1917 г., Гражданская война в России, пандемия испанского гриппа 1918–1920 гг., образование СССР в 1922 г. рассматриваются как причины глубоких изменений контуров и структуры мирового социокультурного пространства, возникновения общества современного типа (постиндустриального, демократизированного, высокотехнологического и пр.). В ходе изучения опыта глобальной ломки устаревших социальных форм и структур и всеобъемлющего социального преобразования, пережитого мировым сообществом в первой половине XX в., исследователи не теряют надежды обнаружить тенденции и закономерности, способствующие выявлению смысла происходящих ныне и грядущих социокультурных процессов. В этом контексте немалый интерес вызывает социально-философское и культурфилософское наследие русских мыслителей начала XX века, чьи тонко организованные натуры чутко реагировали на проявляющиеся тенденции нового рождающегося мира, чья художественная и интеллектуальная деятельность не только способствовала его конструированию, но и зачастую инициировала его преобразование. В русской художественной культуре XX в. одними из первых проявили себя в культуро-, мифо- и миротворчестве представители символизма – теоретики и художники, такие как Д.С. Мережковский, В.Я. Брюсов, Андрей Белый, А.А. Блок и др. Но даже в этой блистательной плеяде мыслителей и поэтов особое место отводится теоретику русского символизма, поэту, критику, ученому, философу, писателю, экспериментатору Вячеславу Ивановичу Иванову (1866–1949), исключительной фигуре не только Серебряного века русской литературы, но и всей отечественной культуры, оказавшей значительное влияние и на культуру мировую.

Современный отечественный исследователь творчества Вяч. Иванова С.Д. Титаренко отмечает, что символизм поэта следует рассматривать и понимать как «проект искусства будущего, истоки которого он находил в культурах древности и в христианстве, полагая возможным прорыв к глубочайшим метафизическим и художественным откровениям посредством небывалого синтеза духовных и эстетических традиций в пространстве творчества современной культуры» (Титаренко, 2012: 5).

В оценке современников – единомышленников и критиков – Вяч. Иванов, вызывающий неоднозначное к себе отношение, но всегда неизменное восхищение, – универсальный художник, синтезирующей в своем творчестве многочисленные традиции, идеи, мотивы и образы разных культур и эпох, и в связи с этим – поэт и мыслитель, крайне сложный для понимания, что отмечали Андрей Белый, П.А. Флоренский, Ф.А. Степун, А. Ахматова, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк и др. «Закрытость», «запредельность», недоступность творчества Вяч. Иванова для широкой аудитории подчеркивал также А.Ф. Лосев¹, считавший его своим учителем, С.С. Аверинцев, М.М. Бахтин и др.

В своих работах, посвященных Вяч. Иванову, С.Д. Титаренко обращает внимание на то, что в России до сих пор не осуществлено академического издания его сочинений, массовым читателем XX в. «он не прочитан» (Титаренко, 2012: 11), а богатое наследие этого уникального и универсального творца, конечно, требует дальнейшего исследования и освоения.

Вяч. Иванова называют «выразителем сущности своей эпохи» (Толмачев, 1994: 3). Родился он в семье служащего и дочери сенатского чиновника, окончил московскую классическую гимназию, пережив разочарование в религии и духовный кризис, в 1884 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета. По окончании двух курсов как многообещающий студент был направлен в Берлинский университет, где под руководством Т. Моммзена писал диссертацию по древнеримскому праву. В этот период времени он открыл для себя не только И.В. Гете, Й.В. Шиллера, Новалиса, А. Шопенгауэра, Р. Вагнера, немецких мистиков, Ф. Ницше, но и приобщился к философским идеям А.С. Хомякова, а также к софиологическому учению В.С. Соловьева. В 1896 г. он лично познакомился с этим философом, которого считал и своим наставником, и «покровителем» своей музыки, и «исповедником» своего сердца, от которого за несколько месяцев до кончины «принял благословение» назвать первую книгу стихов «Кормчими звездами» (Кибальниченко, 2021: 92). По мнению исследователей, именно поклонение и служение Софии «вносило элементы теургического назначения искусства и стремление вернуть высокое сакральное содержание опошлившейся культуре» (Громов, 2002: 26) в деятельность Вяч. Иванова, причем особая роль отводилась в этом процессе художнику-творцу. Однако отмечается, что с другой стороны,

¹ Лосев А.Ф. Из последних воспоминаний о Вячеславе Иванове // Вяч. Иванов. Архивные материалы и исследования. М., 1999. С. 142.

от «стремительно входившего в интеллектуальную моду» того времени Ф. Ницше Вяч. Иванов перенял стремление к «органическому единству», пронизывающему культуру и человека в культуре Диониса (Титаренко, 2012; Кибальниченко, 2021; Исупов, 2014; Созина, Маштакова, 2017). Позднее Вяч. Иванов изучал истоки римской религии в Британском музее, совершил ряд поездок в Грецию, Италию, Францию, Палестину и Северную Африку. Дополнил свои исследования античной культуры знакомством с оккультными учениями и изучением санскрита в Женеве под руководством Ф. де Соссюра. По представлению В.Я. Брюсова был приглашен Д.С. Мережковским к публикации своих работ в журналах «Путь» и «Новый путь». Осенью 1905 г. Вяч. Иванов с женой вернулся в Россию, где организовал в своей петербургской квартире известный и популярный салон для русской художественной элиты – «башню», который посещали многие видные поэты, писатели, музыканты, мыслители, артисты и режиссеры Серебряного века. На этих приемах-«симпозионах» Вячеслава Иванова и его музы Лидии Зиновьевой-Аннибал «все было подчинено культурному жизнестроительству» и мифотворчеству (Толмачев, 1994: 5).

Пережив трагическую потерю жены, Вяч. Иванов перебрался с новой семьей в Москву, где общался с Е. Трубецким, С. Булгаковым, Н. Бердяевым, П. Флоренским и др., сблизился с В. Эрном. Встретив Февральскую революцию с восторгом, понимая под ней «воскресение» русского народа, он был разочарован октябрьскими событиями 1917 г., встав в оппозицию к власти большевиков. В 1918 г. Вяч. Иванов поступил на советскую службу, а, перенеся голод, холод, болезни и смерть жены, через два года стал ординарным профессором классической филологии в Бакинском университете, где защитил докторскую диссертацию. В 1924 г. он не без трудностей выехал из Советской России в Венецию и в 1926 г. занял должность профессора в итальянском колледже. Спустя десять лет, отказавшись от советского паспорта, он начал регулярно печататься в европейских изданиях. До своей смерти Вяч. Иванов жил в Риме и являлся профессором русского языка и литературы в Папском восточном институте. Круг общения Вяч. Иванова того периода был очень широк: он сотрудничал со многими видными европейскими интеллектуалами эпохи – Г. Марселем, М. Бубером, Ж. Маритеном, Т. Уайлдером и др.

Творческая деятельность Вяч. Иванова была направлена на созидание «грядущей соборной культуры», предтечей которой он себя считал (Толмачев, 1994: 8). Современниками поэта и исследователями его наследия особо отмечается способность Вяч. Иванова, восприняв культурно-философскую идею, обогатить ее, развить, расширить и переработать, воплотив в художественной жизнедеятельности. Интеллектуальная проза писателя «соткана из множества фрагментов, каждый из которых по отдельности не является собственно ивановским... калибр ума Иванова... сводит эти достаточно разрозненные осколки воедино» (Толмачев, 1994: 12). Его владение современными и мертвыми языками, исчерпывающее знание античности, широчайшая эрудиция, свободное перемещение в культурных пластах и традициях Европы и России были ориентированы на осуществление «духовного синтеза», идею которого он активно представлял в своем многообразном и многоформенном творчестве.

Представление о единстве культуры у Вяч. Иванова проистекало из отождествления образов Диониса и Христа, которое было дополнено учением Вл. Соловьева о Богочеловечестве. Посредством мистического культа, лежащего в основе всякой культуры, по мысли Вяч. Иванова, мог быть преодолен кризис индивидуализма, беспокоивший творческую элиту рубежа XIX–XX вв. В поисках основ для культурного синтеза он обращался к одному из ключевых понятий русской философии – соборности.

Идея «единства во множестве», выражаемая в разнообразных понятиях (соборность, всеединство, кафоличность), но сохраняющая свой основной смысл – органичное сочетание двух принципов – свободы и единства – и проявляющаяся как стремление к идеалу целостности, выступает в качестве одной из центральных в отечественной социально-философской мысли. В данной статье мы обратимся к трактовке этой идеи, представленной в творческом наследии Вячеслава Ивановича Иванова.

В начале прошлого века, работая над философской проблемой сочетания единства и свободы, Вяч. Иванов обращается к содержанию введенного славянофилами понятия «соборность». Рубеж XIX–XX вв. он обозначал как эпоху преобладания «критического» начала над «органическим», когда происходит расчленение достигнутой в Средние века на основе веры целостности культуры. Для размышлений Вяч. Иванова характерно предчувствие «новой органической культуры», наступление которой ознаменуется, по его мнению, появлением «обновленного соборного духа» (Иванов, 1994: 98).

Однако славянофильская соборность, подразумевающая, скорее, социально-философское содержание и поэтому синонимичная в чем-то «коллективизму» и «общинности», в воззрениях Вяч. Иванова приобретает иной смысл – эстетический. К 1910-м гг. под влиянием раннего

Ф. Ницше, в частности, его «Рождения трагедии из духа музыки», Вяч. Иванов соборностью именует возвращение к мистериальному переживанию религиозного культа, утраченного в момент рождения театра, в котором зрители из участников совместного действия превращаются в сторонних наблюдателей, трагедия страдающего бога становится зрелищем, а связь с религиозной основой общинного бытия окончательно утрачивается. Ф. Ницше связывал возрождение античной мистерии с творчеством Р. Вагнера, который должен был совершить «исторический сдвиг» (Кибальниченко, 2021: 94) в театральном искусстве, а Вяч. Иванов сотрудничал с А.Н. Скрябиным, который возлагал на искусство миссию преображения жизни, в своих экспериментах стремился к синтезу искусств и мечтал о создании музыки для мистерий. В «дионисийское оргийное общение» должно превратиться, по мысли Вяч. Иванова, современное театральное действие, где нет режиссеров, зрителей и актеров, где каждый участник как «привлекал божественное присутствие, так и воспринимал благодатный божественный дар», а «сцена должна вновь перешагнуть за рампу и включить в себя зрительскую общину» (Чиндин, 2019: 64). «Хоровое творчество мифа» – основа не только мистического реализма, который активно развивал Вяч. Иванов, но и всего будущего общественного миропонимания (Чиндин, 2019: 64). В этом «театре нового типа» участники действия «объединятся в хор – свободно и согласно действующий коллектив» (Кибальниченко, 2021: 91), для описания которого Вяч. Иванов и использовал выражение «наше соборное я» (Кибальниченко, 2021: 91). Хор нового театра, видимо, должен был стать прообразом соборной общины, в которой каждый ее член, не утратив собственной свободы, станет единым целым с другими ее участниками (Кибальниченко, 2021: 91). Мифологически или религиозно осмысливая историческую реальность, в своих проектах «всенародного» переживания «почвенных ценностей» совместно с другими философами и писателями Вяч. Иванов предлагал «новую этику христианского общения» (Исупов, 2014: 172) в форме открытых общинных мистерий.

На социально-философские воззрения Вяч. Иванова оказала определенное влияние концепция двух типов общества Андрея Белого, изложенная в его работе «Луг зеленый» (1905), где, во-первых, выделяется «общество – машина, поедающая человечество, паровоз, безумно ревущий и затопленный человеческими телами» (Белый, 1994: 328), и, во-вторых, «общество – живое, цельное, нераскрытое, как бы вуалью от нас занавешенное Существо, спящая Красавица, которую некогда разбудят от сна» (Белый, 1994: 329). В размышлениях над своим «Лугом зеленым» в 1928 г. Андрей Белый в качестве эмблем-символов «живого общества» называет различные общественные ассоциации, организм, церковь, общину, Софию, Персефону, Эвридику и т.д. Под этим «живым обществом» – «коллективной культурой», что отождествляется мыслителем с Софией, Андрей Белый понимает «ритм сложения индивидуальностей в индивидуум коммуны», который «взывает к равноправному свободному раскрытию всех свойств каждой из индивидуальностей в переложении и сочетании всех видов развиваемых связей от каждого к каждому; коммуна-триада из a , b , c личностей, чтобы личности эти в коммуне раскрыли себя индивидуумами, взывает, чтобы “ a ”, оставаясь “ a ”, развило бы себя еще как “ ab ” в отношении с “ b ”, как “ ac ”, как “ abc ”, как “ acb ”; только тогда “ a ” выпрямится в индивидуальной свободе творчества социальных отношений; то же о “ b ” и о “ c ”» (Белый, 1994: 441).

Подобный подход к анализу человеческого социального общежития обнаруживается и у Вяч. Иванова, в частности, в его статье «Легион и соборность» (1916), которая была вызвана необходимостью осмыслить социокультурный опыт современных автору исторических событий, в особенности – Первой мировой войны, и в которой излагается понимание им идеи соборности.

Как и Андрей Белый, Вяч. Иванов выделяет два типа общества. Первый – организация – это общество, основывающееся на социальной кооперации, где происходит «соглашение особей по видовому признаку с целью усиления вида» (Иванов, 1994: 97). Толкает человеческие индивиды к социальной кооперации стремление к самосохранению. Таким образом, общественное единство механического типа (организация) возникает в связи с необходимостью выживания людей, предполагает жесткую дисциплину, рациональность и создается посредством их обезличивания, поэтому общество, возникшее на основе социальной кооперации, Вяч. Иванов воспринимает как механическое скопление атомов.

Сущность второго типа общества, противопоставляемого социальной организации, иная: она не поддается окончательному рациональному пониманию. Этот тип общества есть соборное единство, базирующееся на свободном согласии, возникающем в ходе духовного творчества. Мыслитель не способен найти для него «равного по содержанию логического понятия» (Иванов, 1994: 101), перевести его на другие языки, подобрать к нему «типическое явление в жизни», так как соборность – это общественное единство, по своей сути, иррациональное. Подобно А.С. Хомякову, Вяч. Иванов относит соборность к категориям скорее должного, нежели сущего. По мысли философа, она «задание, а не данность; никогда еще не осуществлялась на земле всецело и прочно, и ее нельзя найти здесь или там, как и Бога» (Иванов, 1994: 100).

Оценивая происходящие исторические события, мыслитель верит, что у человечества имеется возможность посредством соборного единения достигнуть состояния «универсального коллективизма», так как переходный период общественной дифференциации и индивидуалистического разделения людей заканчивается. Основной проблемой же грядущей социальной трансформации Вяч. Иванов считает выбор принципа общественного устройства, по которому будет осуществляться объединение человечества в будущем: организация или соборность? Мыслителя беспокоит, что организация, предполагающая обезличивание и отказ от свободы, постепенно превращается «в верховный принцип общежития» (Иванов, 1994: 96). Для Вяч. Иванова соборность – это и квинтэссенция русской национальной духовности, и издревле существовавшая основа для слияния воедино христианской, эллинской и славянской языческих культурных традиций (Кибальниченко, 2021: 97), в результате чего будет достигнуто восстановление утраченной органической эпохи в новом состоянии на новом историческом витке.

Статья «Легион и соборность» была реакцией на предложенную В.Ф. Оствальдом модель всемирно-исторического процесса, в соответствии с которой человечество проходит в своем развитии три стадии: «стадное» состояние (1), торжество индивидуализма (2), которое сменяется социальной организацией (3). В.Ф. Оствальд приходит к выводу, что к началу XX в. Германия достигла высшей стадии – социальной организации. Вяч. Иванов негативно оценивает такое общественное устройство, поскольку усиление коллективного начала в нем происходит за счет «умаления и истощения» личного. По мнению философа, для России подобное культурное состояние неприемлемо, так как, в его представлении, «славянское означение верховной ступени человеческого общежития: не организация, а соборность» (Иванов, 1994: 101).

Выделяя два типа общества, Вяч. Иванов в своей статье продолжает социально-философскую традицию, начатую еще Августином Аврелием в его учении о «двух градах», поэтому соборное единство сопоставляется с Градом Небесным, а на социальную организацию переносятся свойства Града Земного. Так, например, подчеркивается, что при строительстве Земного Града, иначе, при формировании общества по типу социальной организации личность полностью растворится в социальном целом, которое в данном случае и выступает наивысшей ценностью, а поскольку его существование не бесконечно во времени, оно рано или поздно исчезнет вместе с поглощенными им индивидуумами. В основе же соборности лежит единение и отдельной личности, и общины с Богом, и это единство, во-первых, переживет любые свои исторические формы, а, во-вторых, обогатит личность верующего, придавая ей вневременные и внеприродные смыслы и ценности. Подобно славянофилам, Вяч. Иванов указывает, что верить в Бога – значит любить его, поскольку только любовь способна актуализировать что-либо, именно она порождает «чувство реальности любимого бытия» (Иванов, 1994: 98).

Обращает на себя внимание то, что социальная проблематика в размышлениях Вяч. Иванова переплетается с мотивами религиозными, поэтому в его статье «Легион и соборность» описание двух типов общества сопровождается апокалиптическими образами. Так, социальная организация как общество, обладающее мнимым единством, в котором реализуется древний принцип «князя мира»: «разделяй и властвуй», уподобляется автором «общественному зверю», «сверхзверю» с развитыми коллективными центрами сознания, «общественным мозгом», «нервной системой» (Иванов, 1994: 99). Итак, социальная организация у Вяч. Иванова соотносится с образом антихриста. Автор для оценки подобного типа общества выбрал крылатое выражение из Нового завета – «легион, ибо нас много» (Иванов, 1994: 100). При характеристике общества-организации также используются образы библейского «мятежного гордого Адама» и «блудного сына», осознавшего себя нищим (Иванов, 1994: 97–98). Вяч. Иванов замечает также, что возвеличивание и даже обожествление укрепляющегося Земного Града описывается в «Левифане» Т. Гоббса, а его обоснование осуществляется в учении о государстве Г.Ф.В. Гегеля.

Н.О. Лосский при оценке взглядов Вяч. Иванова на соборность указывал, что общественным идеалом этого мыслителя «является общинная (соборная) анархия» (Лосский, 1991: 428). Провозглашенная Вяч. Ивановым концепция «мистического анархизма» утверждает приоритет безграничной свободы личности в ее движении к Богу, при котором преодолевается вызывающий неприятие мир необходимости, но условием этого приближения к Абсолюту Вяч. Иванов считает ограничивающую природный эгоизм человека соборность, с одной стороны, включающую личность в общинное согласованное многоголосие, но, с другой стороны, исключаящую всякое принуждение со стороны общества (Сарычев, 1991: 108). Следовательно, ивановская идея соборности приобретает характер мистико-анархический, поскольку обретение «последней свободы» человеком и человечеством предполагает мистическое проникновение в сферу сверхличного, то есть

утверждается «принцип внутреннего подчинения личной воли чувствованию и попечению все-ленскому»¹. Отмечается, что «концепт индивидуальности-меона постепенно исчезает, ему на смену приходит идеал соборной личности, соответствующей всенародному искусству» (Созина, Маштакова, 2017: 109), чему способствует появление и художника-теурга (к которым Вяч. Иванов, относит, например, Сервантеса, Байрона, Пушкина, Шиллера).

В ивановской концепции «неприятя» мир воспринимается как постоянно становящийся, динамичный, в связи с чем мыслитель сравнивает его не с «однажды навсегда установленным храмом», а с «кораблем, плывущим под звездным небом»². Поэтому и «общественность – как становящаяся соборность»³ Вяч. Иванов не мог связывать с определенно установленными конкретными социально-этическими нормами, предписаниями и требованиями.

Писатель не конструирует новую социальную модель, он не строит также и новую мораль, но указывает направление, в каком дух человеческий должен устремляться к свободе, преодолеваемая необходимость. О своем «мистическом анархизме» Вяч. Иванов писал, что «он не строит и не скрепляет скрепами; развязывает, а не связывает энергии, и не знает между ними иной связи, кроме соприсущего им тяготения к полюсам сверхличного. Ибо соборность – сверхличное утверждение последней свободы»⁴. Однако следует отметить, что в отдельных статьях Вяч. Иванов указывает на анархию как возможную альтернативу современной ему социокультурной реальности. По его мысли, именно в «анархической общине» и достигается высший синтез личного и соборного начал. Этот анархический союз, по мнению Вяч. Иванова, может осуществиться только как община, объединенная и пронизанная верховной идеей – идеей религиозной.

Но о какой религиозности ведет речь Вяч. Иванов? Происхождение анархической идеи он видит в дионисийстве. Культ Диониса поэт-мыслитель трактует необычно: образ языческого бога превращается у него в предвестника Христа, предстает в качестве религиозной метафоры свободы творчества. С именем Диониса у Вяч. Иванова связаны представления о восхождении к сверхличному опыту посредством творческого экстаза, реализуемого ярче всего в искусстве. Поэтому Вяч. Иванов именно в творчестве усматривает пути к соборному единству. Например, он подчеркивает, что современная поэзия стремится преодолеть индивидуализм и стать «вселенской, младенческой, мифотворческой»⁵. По мнению Вяч. Иванова, в будущей «новой органической эпохе» искусство, пропитанное дионисийским духом, сольется с религиозной стихией народа.

Андрей Белый в чем-то поддерживал выводы Вяч. Иванова, говоря, что он «совершенно прав, когда утверждает за искусством религиозный смысл» (Белый, 1994: 343), но он же в своей статье «Символизм и современное русское искусство» подчеркивал, что рассматривать мистический анархизм в качестве религии – глубокая ошибка, так как в нем невозможно найти Бога⁶.

Г. Флоровский обнаружил, что соборность у Вяч. Иванова, «скорее, эстетическая схема, чем религиозная, но именно религиозная жажда и утоляется здесь эстетическими подделками» (Флоровский, 1991: 458). Мечтая «о “соборности”, о соборном действии, он хотел религиозно освоить проблему “народа” и “коллектива”. Но сам оставался всегда уединенным мечтателем, слишком погруженным в поэтические экстазы» (Флоровский, 1991: 458). Г. Флоровский справедливо замечал, что подлинная соборность «не есть тайна мистического коллектива, но откровение Единого Христа, в котором все одно, будучи каждый с Ним. То и было опасностью “символизма”, что *религия здесь превращается в искусство*, почти что в игру, и в духовную реальность надеялись прорваться приступом поэтического вдохновения, минуя молитвенный подвиг» (Флоровский, 1991: 458). Отсюда можно сделать вывод, что взгляды Вяч. Иванова сплошь пронизаны эстетизмом, преодолеть который он так и не смог.

Нелицеприятную оценку концепции «мистического анархизма» дал и Андрей Белый в автобиографической рукописи «Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть на всех фазах моего идейного и художественного развития». Вернувшись в 1907 г. в Россию из Европы, он писал: «Я застал в Петербурге безобразную пародию на мои утопии о соборности эпохи 1901–1905 годов под флагом мистического анархизма... В мистическом анархизме я вижу кражу интимных лозунгов: соборности, сверх-индивидуализма, реальной символики, революционной коммуны, многогранности, мистерии. Я вижу свои лозунги вывернутыми наизнанку...» (Белый, 1994: 443–444).

¹ Иванов В. По звездам: опыты философские, эстетические и критические [Электронный ресурс] // Исследовательский центр Вячеслава Иванова в Риме. URL: http://www.v-ivanov.it/prizhiznennye_izdaniya/po_zvezdam/009/ (дата обращения 14.12.2021).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Иванов В. По звездам: Опыт философские, эстетические и критические ...

⁶ Белый А. Символизм и современное русское искусство [Электронный ресурс] // Kartaslov.ru. URL: https://kartaslov.ru/книги/Андрей_Белый_Символизм_и_современное_русское_искусство/1 (дата обращения: 26.01.2022).

Итак, вернувшись к центральному в славянофильской философии понятию «соборность», Вяч. Иванов значительно расходится с идеологами этого направления в его трактовке. Основываясь на своей концепции «мистического анархизма», он способен определить сущность русской идеи только в связи со всемирным служением, не отдавая должного национальным культурным ценностям и интересам. Данная позиция является закономерным следствием оказанного на Вяч. Иванова влияния «метафизики всеединства» В.С. Соловьева, в соответствии с которой результатом духовного совершенствования общества и отдельных личностей должно стать появление единства нового типа – Богочеловечества, движение к которому преодолевает любые границы и различия среди людей, в том числе, например, конфессиональные. Предложенный подход, характерный для представителей «христианского универсализма», в корне меняет смысл русской идеи, превращая ее из национальной в общечеловеческую.

По мнению С.А. Кибальниченко, воззрения Вяч. Иванова на соборность радикально разошлись с хомяковскими, а «от славянофильства осталась лишь словесная оболочка» (Кибальниченко, 2021: 100). Именно буквальное восприятие идей соловьевского всеединства привело Вяч. Иванова к важнейшему мировоззренческому событию в его жизни: принятию католичества. В 1926 г. в соборе Святого Петра в Риме он стал католиком восточного православного обряда. Творимый мифом высший духовный синтез, способный преобразить культуру, подвигал Вяч. Иванова к этому шагу, предполагающему достичь в его внутреннем мире органического единства через слияние двух ветвей христианства, единства, которое завещал ему один из его идейных наставников – Владимир Соловьев. Этот поступок Вяч. Иванова – своеобразная иллюстрация его понимания соборности, которую он интерпретирует в качестве надконфессиональной, всеохватывающей, вселенской по характеру, что соответствует общему духу ивановского творчества и мировоззрения: преодоление кризиса индивидуализма и культурной дифференциации во «вселенском чуде» (Иванов, 1994: 366), достижение новой «органической эпохи», аналогичной «эдемскому состоянию», где «центр сознания... – не в личности, а вне ее» (Иванов, 1994: 367), где установятся ценности «всеобъемлющего в Боге сознания». Человечество же представлялось Вяч. Иванову вслед за В.С. Соловьевым «некой “соборной личностью”», поэтому и «слово “соборность” поэт-символист прочитал, в первую очередь, как “вселенскость”» (Кибальниченко, 2021: 99), что, возможно, и привело его к принятию католицизма.

Обращение к опыту русских философов начала XX в. и, в частности, к богатому интеллектуальному и духовному наследию Вячеслава Ивановича Иванова может дать новый импульс поиску векторов движения в попытках наметить контуры национальной доктрины, в обозначении приоритетов и расстановке акцентов в отборе и разработке общественных идеалов. В нашу эпоху интенсивных социокультурных трансформаций в очередной раз оказался актуальным вопрос о путях и тенденциях дальнейшего развития как мирового, так и российского общества и культуры. Немаловажную роль в этих процессах должен сыграть анализ базовых понятий, принципов, концептуальных положений, выработанных русской философской мыслью, в том числе понятия «соборность». У Вяч. Иванова соборность, во-первых, приобретает эстетическое значение, в связи с чем она понимается как особое взаимодействие участников мистического действия, инициированного верховным для национальной традиции культом, реальность которого обеспечивается возрожденным мифом, при этом возникает особая человеческая общность, подобная античному хору, в которой каждое отдельное личное «Я» не только сохраняет свои индивидуальность и свободу, но и обретает себя в общинном целом. Так, для Вяч. Иванова хор это – «чувственное ознаменование соборного единомыслия и единодушия, очевидное свидетельство реальной связи, сомкнувшей разрозненные сознания в живое единство» (Иванов, 1994: 160). Во-вторых, у этого мыслителя соборность выступает не только в качестве способа построения или возрождения утопической общности людей «органической эпохи» и достижения или восстановления утраченного духовного синтеза, обозначенного В.С. Соловьевым как «всеединство» и «Богочеловечество», но и в качестве его критерия и краеугольного камня. Так, например, по мысли И. Чиндина, ивановский сверхиндивидуализм – это своеобразный мост, позволяющий преодолеть пропасть между индивидуалистической эстетикой и принципом «вселенской соборности» на пути к всенародному искусству и мифу (Чиндин, 2019: 63), прорыв к которым теоретически готовился русскими символистами и Вячеславом Ивановым.

Список источников:

- Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994. 528 с.
Громов М.Н. Софийные мотивы в творчестве Вячеслава Иванова // Иванов – творчество и судьба: к 135-летию со дня рождения. М., 2002. С. 25–30.
Иванов В. Родное и вселенское. М., 1994. 428 с.

Исупов К.Г. Философия литературы: исследование мифологической реальности поэтического сознания (по поводу книги С.Д. Титаренко «Фауст нашего века»: мифопоэтика Вячеслава Иванова» (СПб., 2012. 654 с.)) // Соловьевские исследования. 2014. № 1 (41). С. 168–176.

Кибальниченко С.А. Трансформация идей А.С. Хомякова в творчестве Вяч. Иванова // Русско-Византийский вестник. 2021. № 1 (4). С. 90–101. https://doi.org/10.47132/2588-0276_2021_1_90

Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991. 559 с.

Сарычев В.А. Эстетика русского модернизма: проблема «жизнетворчества». Воронеж, 1991. 320 с.

Созина Е.К., Маштакова Л.В. Книга Вяч. Иванова «По звездам»: принципы «единого мирозерцания» // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. Т. 18, № 1. С. 102–112.

Титаренко С.Д. «Фауст нашего века»: мифопоэтика Вячеслава Иванова. СПб., 2012. 654 с.

Толмачев В.М. Саламандра в огне. О творчестве Вяч. Иванова // Иванов В. Родное и вселенское. М., 1994. С. 3–16.

Флоровский Г. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. 599 с.

Чиндин И. Поэзия мифа Вяч. Иванова и творчество мифа Д. Андреева // Философская антропология. 2019. Т. 5, № 1. С. 62–80. <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2019-5-1-62-80>

References:

Belyi, A. (1994) *Simvolizm kak miroponimanie* [Symbolism as a Worldview]. Moscow. 528 p. (in Russian).

Chindin, I. (2019) Mythopoeity of V. Ivanov & Creativity of the Myth of D. Andreyev. *Religious Anthropology*. 5 (1), 62–80. Available from: <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2019-5-1-62-80> (in Russian).

Florovskii, G. (1991) *Puti russkogo bogosloviya* [Paths of Russian Theology. Vilnius]. Vil'nyus. 599 p. (in Russian).

Gromov, M. N. (2002) Sofiinye motivy v tvorchestve Vyacheslava Ivanova [Sophistic Motifs in the Art of Vyacheslav Ivanov]. In: *Vyacheslav Ivanov – tvorchestvo i sud'ba: k 135-letiyu so dnya rozhdeniya*. Moscow, pp. 25–30 (in Russian).

Isupov, K. G. (2014) *Filosofiya literatury: issledovanie mifologicheskoi real'nosti poeticheskogo soznaniya (po povodu knigi S.D. Titarenko «Faust nashogo veka»: mifopoetika Vyacheslava Ivanova» (SPb., 2012. 654 s.))* [Philosophy of Literature: Exploring the Mythological Reality of Poetic Consciousness (on the book "Faust of Our Century": Mythopoeitics of Vyacheslav Ivanov" by S. D. Titarenko (St. Petersburg, 2012. 654 p.))]. *Solov'evskie issledovaniya*. (1 (41)), 168–176 (in Russian).

Ivanov, V. (1994) *Rodnoe i vseenskoe* [Native and Universal]. Moscow. 428 p. (in Russian).

Kibalnichenko, S. A. (2021) Transformation of A. S. Khomyakov's Ideas in V. Ivanov's Work. *Russko-Vizantiiskii vestnik*. (1 (4)), 90–101. Available from: https://doi.org/10.47132/2588-0276_2021_1_90 (in Russian).

Losskii, N. O. (1991) *Istoriya russkoi filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow. 559 p. (in Russian).

Sarychev, V. A. (1991) *Estetika russkogo modernizma: problema «zhiznetvorchestva»* [Aesthetics of Russian Modernism: the Problem of «Life Creation»]. Voronezh. 320 p. (in Russian).

Sozina, E. K. & Mashtakova, L. V. (2017) Vyacheslav Ivanov's «Po Zvezdam» (1909): Principles of the «United World View». *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*. 18 (1), 102–112 (in Russian).

Titarenko, S. D. (2012) «Faust nashogo veka»: mifopoetika Vyacheslava Ivanova [«Faust of Our Age»: Vyacheslav Ivanov's Mythopoeitics]. Saint-Petersburg. 654 p. (in Russian).

Tolmachev, V. M. (1994) Salamandra v ogne. O tvorchestve Vyach. Ivanova [Salamander in the fire. On the work of Vyach. Ivanov]. In: Ivanov, V. *Rodnoe i vseenskoe*. Moscow, pp. 3–16 (in Russian).

Информация об авторах

В.И. Потапчук – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры «Философия и культурология» Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=588868.

Е.Ю. Потапчук – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры «Философия и культурология» Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=251474.

Information about the authors

V.I. Potapchuk – PhD, Associate Professor, Associate Professor of Philosophy and Cultural Studies Department, Pacific National University, Khabarovsk, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=588868.

E.Yu. Potapchuk – PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Associate Professor of Philosophy and Cultural Studies Department, Pacific National University, Khabarovsk, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=251474.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 27.12.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 17.01.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 08.02.2022.